

ИССЛЕДОВАНИЕ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РОЛИ КОМСОМОЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ (1949–1953 гг.)

Аспирант И.П. Иванов начал научное исследование вопросов воспитания в период жёсткой его регламентации на основе рекомендаций АПН РСФСР и решений Всесоюзного совещания работников народного образования. Эти решения были вызваны сложившейся в подростковой и юношеской среде криминогенной ситуацией. Решать вопросы дисциплины предлагалось в полном соответствии со стилем времени – через введение в школу «Правил для учащихся».

Начинались «Правила для учащихся» словами: «Каждый учащийся обязан...», затем перечислялись 20 пунктов обязанностей, и завершался документ предупреждением, что в случае нарушения правил учащийся может быть исключен из школы. Пунктом третьим учащиеся обязывались беспрекословно выполнять распоряжения директора школы и учителей. Пункт двенадцатый предписывал школьникам почтительно кланяться директору и учителям на улице, пункт тринадцатый – быть вежливым со старшими, пункт семнадцатый – слушать родителей. Особое внимание уделялось опрятности, внешнему виду, пунктуальности, исполнительской дисциплине, наличию ученического билета. Но ни одного слова об отношении к сверстникам, о детском коллективе в этих «Правилах» не было.

Повышение дисциплины стало обязательным для деятельности школьного комсомола, этим вопросам было посвящено решение пленума ЦК комсомола. Своеобразная этическая проблема этого решения заключалась в том, комсомольцев призывали

не вмешиваться в дела учителей, но оказывать им всемерную помощь. В свою очередь «учителя, которым государство доверило ответственнейшее и почётное дело обучения и воспитания подрастающего поколения, призваны оказывать им всемерную помощь». Директорам и учителям предписывалось как можно шире использовать помощь комсомола и пионерии, но и они, в свою очередь, должны систематически и повседневно помогать работе комсомольских и пионерских организаций, участвуя в их жизни и содействуя их укреплению и росту их рядов.

Школа ждала от учёных методических рекомендаций, следуя которым, учителя могли помогать работе комсомольских и пионерских организаций. Игорю Петровичу было предложено провести диссертационное исследование, которое содержало бы рекомендации по воспитательной работе комсомольцев с пионерами. Его научным руководителем стал известный в своё время специалист по вопросам воспитания, профессор П.Н. Груздев.

На первом этапе исследования начался активный сбор фактов о деятельности этих организаций в лучших школах Ленинграда.

Как часто бывает в жизни, в наши планы вмешивается реальная жизненная ситуация. Такая ситуация сложилась и у молодого аспиранта, которому нужно было содержать семью, где недавно родилась дочь. Он решил совместить научный поиск с работой учителя логики, которая преподавалась в двух школах: № 202 (женская школа) – директор С.Г. Пугач и № 210 (мужская школа) – директор Т.Е. Конникова.

Школы были не похожи друг на друга, хотя все поставлены в условия исполнения решений, принятых на Всесоюзном совещании по улучшению качества учебно-воспитательной работы.

Школа № 202 чётко и последовательно выполняла рекомендации, добивалась выполнения всеми педагогами единых требований к учащимся. В том далёком 1949 году, вступив в горячую дискуссию с педагогами школы, он предложил изменить методику воспитания учениц десятого класса, проблемы с которыми были предметом обсуждения на педсовете. Желая каким-то образом решить конфликтную ситуацию в педагогическом коллективе, директор школы С.Г. Пугач дал возможность молодому педагогу самому осуществить на практике те предложения, с которыми он выступал на педсовете.

Опыт удался настолько блистательно, что педагоги вынуждены были признать эффективность предложенной методики. Опыт первого года исследования подробно описан в работе «Воспитывать коллективистов».

Совсем другая жизнь была в школе № 210, которая имела статус базовой школы при ЛГПИ. Для И.П. Иванова интерес к данной школе был связан прежде всего с тем, что там развита система самоуправления, построенная на основе рекомендаций А.С. Макаренко. Перед ним встал целый спектр вопросов, которые требовали осмысления и решения. Особенно важно для исследования было разобраться с вопросами взаимодействия органов самоуправления и организацией деятельности школьного комсомола. Он погрузился в изучение опыта А.С. Макаренко, чтобы получить ответ на этот вопрос. Поиск ответа вновь привел его к ситуациям планирования, в которых должна быть заложена мотивация на дальнейшие действия. Если у Антона Семёновича общее собрание – высший орган власти коллектива, то в школьной комсомольской организации этим высшим органом должно стать собрание. Методика подготовки и проведения таких собраний, которые бы по существу, по жизненной реальности стали

воспитывающей силой, начинает создаваться на базе 210-й школы.

Исследование не ограничивалось экспериментом в двух школах, он собирал факты, описанные в печати, посещал разнообразные семинары для тех, кто руководил школьным комсомолом. На одном из таких семинаров, в октябре 1950 года, он слушал доклад В.Н. Зайчикова, первого секретаря Ленинградского обкома ВЛКСМ. И доклад, и оратор произвели сильное впечатление. Игорь Петрович увидел в нём такого же преданного идеям марксизма-ленинизма человека, каким был и его отец. Преданность не формальная, не карьерная, а основанная на глубоких знаниях и высокой культуре, на прекрасных организаторских способностях. Конечно, Иванов участвовал в прениях, он говорил о воспитательных возможностях, которые заложены в деятельности комсомола, о роли освоения культуры, без которой невозможно решить задачи, поставленные В.И. Лениным на Втором съезде РКСМ. Учиться, чтобы обогатить свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество. И ещё одна ленинская идея, о необходимости улучшать окружающую жизнь пусть маленькими, но конкретными делами. В этом он видел единство государственной политики и педагогики, воспитание должно осуществляться в процессе дел государственного значения, как писал А.С. Макаренко в «Педагогической поэме».

Эти два незаурядных человека потянулись друг к другу. В.Н. Зайчиков стал убеждать И.П. Иванова перейти на работу в обком, где совершенно другой масштаб для осуществления его идей, для изучения воспитывающей роли комсомола. Игоря Петровича увлекала перспектива борьбы с канцелярско-бюрократическим стилем некоторых комитетов комсомола, он нашел ключевую для себя задачу – «всемерное развитие инициативы и самостоятельности». Если в ведущих документах такая задача поставлена, то что же мешает на практике её осуществить? Как нужно организовать работу комсомола, чтобы инициатива стала реальностью, а самостоятельность

в делах – нормой? Вопрос о роли инициативы и самостоятельности представлялся Иванову ключевым. В нём ярко выражена этическая составляющая, характеризующая нового человека, советского человека. Перспектива большого настоящего дела увлекла его настолько, что январь 1951 года Игорь Петрович встретил в должности заместителя заведующего отделом школ Ленинградского обкома ВЛКСМ. Навалилась огромная организаторская работа, приходилось разъезжать по самым отдалённым уголкам Ленинградской области. В этих поездках он впервые побывал в Ефимовском районе и очень полюбил этот исторический уголок с петровскими шлюзами, с суровой неустроенностью быта. Он столкнулся с реальным уровнем образованности и культуры комсомольских работников и школьных учителей, которым стремился рассказать о совсем иной организации жизни в школьном комсомоле.

Сложность преодоления формализма в работе школьного комсомола была обусловлена ещё и тем, что возложенная на классных руководителей обязанность осуществлять педагогическое руководство пионерами и комсомольцами приводила к подмене детской инициативы решениями педагогов. В реальной жизни столкнулись два документа, регламентирующие воспитание в школе. С одной стороны, постановления Совнаркома с правилами для учащихся, а с другой – постановление пленума ЦК ВЛКСМ о всемерном развитии инициативы и самостоятельности. Сложность ситуации требовала большой разъяснительной работы, настоящей борьбы за каждого работника райкома, за каждого учителя, за каждого вожатого.

Иллюстрация к тому, какое влияние оказывала эта работа, сохранилась в воспоминаниях Л.Г. Борисовой, которая впоследствии стала одним из соратников И.П. Иванова:

«Был 1951/52 учебный год. Раз в неделю мы, старшие пионервожатые Ленинграда, приезжали во Дворец пионеров и проводили там целый рабочий день. Это была учёба. Разные солидные люди нам читали лек-

ции. Я на лекциях вязала. Спицами. Кофту. Интересно становилось только тогда, когда начинались занятия с затейниками: можно было танцевать, петь, играть, хохотать. Но однажды нам объявили, что будет лекция заместителя заведующего отделом школ Ленинградского обкома комсомола Игоря Иванова. Пришел улыбчивый, очень скромный, с огромным лбом и начинающейся лысиной молодой человек и стал читать лекцию «Развитие инициативы и самостоятельности в пионерской организации». Через две минуты я отложила свое вязание и стала записывать каждое его слово. Возцарилось общее внимание. Знаете, это же были годы, когда пионерская организация должна была «бороться за прочные и глубокие знания», ее объявили «помощником» учителя. Совет отряда и совет дружины в основном тем и занимались, что вызывали неуспевающих. Это было время, когда проводились пионерские сборы на тему «Частички «не» и «ни» с глаголами», сборы по географии, физике, математике. Их тогда называли предметными сборами. И на фоне всего этого чрезвычайным откровением оказались высказывания Игоря Иванова о самостоятельном характере пионерской организации, о том, что дети должны быть в ней хозяевами. До него никто нам об этом не говорил, почти никакого самоуправления не было. Демократии, самоуправления, самостоятельности в пионерской организации было столько же, сколько и во всех других сферах общественной жизни. Ну, может быть, чуть-чуть больше. Период культа задавал свой тон и стиль: «все единодушно», «в едином порыве», «стройными рядами», «с горящими глазами», знамена, лозунги, портреты, ура. И хором: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство».

И.П. Иванов читал лекцию полтора часа. А потом случилось из ряда вон выходящее событие – отменили следующего лектора: столько было записок, что Игорь Петрович два с половиной часа отвечал только на них. Такого еще у нас тогда не было. Я так обрадовалась тому, что говорил Игорь Петрович, так мне хотелось этой свободы, открытости, что даже не сообразила послать

записку. Несколько дней спустя набралась смелости, позвонила в обком комсомола и пригласила его в свою школу. И он сразу согласился. Колоссально! Для меня, какой-то студентки-второкурсницы (я училась тогда на вечернем отделении герценовского института), обком комсомола (а ведь он в Смольном находился, не забывайте про культ) был все равно, что сейчас Организация Объединенных Наций – так же далек и недостижим. Иванов только спросил: можно я приеду не в семь часов вечера (к началу педсовета), а с утра, чтобы познакомиться со школой? И хотя встреча намечалась за месяц вперед, он не сказал известное нам важно-величественное: «Пожалуйста, позвоните мне, напомните».

Таких энтузиастов, с радостью подхватывающих идею детской самостоятельной организации было не много. Проблема с развитием инициативы и самостоятельности в общественных организациях обрастала самыми разнообразными сложностями, одни указания исключали другие. Особенно сложно решался вопрос с инициативой, которая за годы войны приобрела совершенно четкий характер и возникла она под воздействием книги А.П. Гайдара «Тимур и его команда», которая вышла в 1940 году, и в том же году на экранах появился фильм, снятый по книге. И фильм, и книга сразу стали невероятно популярны среди школьников. Герои Гайдара открыли своим сверстникам замечательную возможность: соединить практическую полезную деятельность, верность идеалам своего времени и увлекательную, романтическую игру. Они сами придумывали и организовывали свои дела, их никто не заставлял и не ограничивал. То были дела «по велению сердца», кроме того, был секрет, тайна, условные знаки и сигнализация, конспиративный штаб и «общая тревога» – всё притягательное для подростков. Возможность изумлять взрослых, заработать «взрослое» уважение, признание тоже имела значение.

По всей стране стали возникать тимуровские команды, отряды, клубы. Где-то они действовали абсолютно самостоятельно, где-то им помогали взрослые. Где-то

играли в конспирацию, где-то действовали открыто. Но главный принцип соблюдался неукоснительно: оказывать помощь тем, кто нуждается в ней, и делать это абсолютно бескорыстно.

Деятельность тимуровских отрядов и команд была невероятно разнообразной, особенно в годы войны. Они помогали семьям военнослужащих, устраивали концерты в госпиталях, собирали лекарственные растения, подарки для фронтовиков, участвовали в сборе урожая; шефствовали над детскими садами; работали в фонд обороны.

Количество тимуровцев в целом по стране на третий год войны оценивается в два миллиона. Это не преувеличение. Практически любой рассказ об истории образовательного учреждения (или об истории образования в крае, области, республике) обязательно содержит раздел «тимуровское движение в нашей школе (городе, крае, области)». Вот один из многих тысяч возможных примеров: МОУ средняя образовательная школа города Егорьевска публикует на своем сайте подлинный отчет тимуровского отряда: «Тимуровцами обслужено пилой и колкой дров 19 семей фронтовиков, 14 учащихся привлечено в школу на учебу. По школе было всего сшито 350 кисетов, 203 носовых платка, связано 11 шарфов. С 1 сентября 1941 по декабрь 1942 года учащиеся напилили дров для школьных печей 28 кубов». <http://school4-egor.narod.ru/p101aa1.html>

В выборе дел тимуровцы непривередливы: была бы практическая работа. Стирка обмундирования, уборка снега, дрова, дежурства в госпитале... Они и на полях работали, пололи, убирали овощи.

Так было, пока Центральный Совет ВПО им. В.И. Ленина не оказался перед необходимостью выполнять решения по всемерной помощи учителям и директорам школ по наведению дисциплины и выполнению «Правил для учащихся». В период, когда под контроль ставилось всё, даже посещение кинотеатров, поведение в общественных местах, самостоятельное детское движение оказывалось за пределами влияния учителей. Движение следовало подчинить

официальным организациям – это и называлось «возглавить». Формально возглавив тимуровское движение, подчинив его общему порядку организации работы, когда планы и показатели спускались сверху, сами того не ведая, не ожидая эффекта угасания, сотрудники центрального аппарата уничтожили движение, сутью которого была собственная инициатива ребят, искреннее «движение души». В 1951 году выполнение решений вышестоящих органов было нормой, и Игорь Петрович выполнял эту норму. Большой трагедией и большим уроком для него было наблюдать, как сворачивают свою деятельность тимуровские отряды и прекращают своё существование тимуровское движение. Главный вопрос – почему это произошло? Почему решение поддержать инициативу тимуровских отрядов привело к тому, что они начали исчезать?

Между тем в Москве, в аппарате ЦК ВЛКСМ, происходили серьёзные кадровые перемены. На место первого секретаря был кооптирован В.Н. Зайчиков, и он настоятельно просил И.П. Иванова перейти на работу в центральный аппарат. Характер предполагаемой работы был связан с подготовкой кадров для работы в обкомах и райкомах комсомола, с работой педагогических учебных заведений. Этот вопрос давно волновал Иванова, возможность принять участие в изменении качества подготовки специалистов оказалась главной причиной в принятии решения.

Безусловно, к январю 1952 года он уже далеко не тот книжный философ, который начинал исследование воспитывающего влияния комсомола. Однако он по-прежнему верил в возможность позитивных преобразований, оставался верен принципам своей семьи и готов к борьбе за лучшее будущее своей страны, к борьбе с шумихой и шаблоном, к борьбе за идеи, заложенные В.И. Лениным в деятельность российского коммунистического союза молодёжи.

В ЦК ВЛКСМ он начал работать в должности заведующего сектором педагогических учебных заведений. В отделе, как

считал И.П. Иванов, царил дух товарищества, народ подобрался зрелый, очень ответственный. Главным же было совершенно иное содержание деятельности, вместо каждодневной организаторской работы он погрузился в вопросы педагогики. В его обязанности входило изучение литературы по воспитанию, которые выпустила АПН, а также посещение разнообразных заседаний и совещаний в институтах, занимающихся педагогикой, и т.п.

Какой же была АПН РСФСР в этот период? В 1946 году академика В.А. Потемкина не стало, и пост президента АПН занял академик И.А. Каиров. Он руководил педагогической академией, и, как следствие, советской педагогической наукой в течение двадцати лет, с 1946 по 1966 год. Вдобавок к этому в течение семи лет он одновременно являлся министром просвещения РСФСР, то есть был главным лицом в российской педагогике.

Помимо того, он пять лет (1933–1938) проработал в аппарате ЦК ВКП(б), в том числе в 1935–1936 годах – заведующим сектором сельскохозяйственного образования школ отдела ЦК ВКП(б); и восемь лет (1942–1950) был главным редактором журнала «Советская педагогика». Будучи президентом АПН, он не оставлял партийной работы: И.А. Каиров – член Центральной ревизионной комиссии КПСС в 1956–1961 годах и депутат Верховного Совета СССР в 1950–1966 годах.

Вот такого масштаба личность возглавляла академию, а заведующему сектором педагогических учебных заведений ЦК ВЛКСМ предписывалось дать соответствующую рецензию на ту педагогическую литературу, которая создавалась академиками, а комсомольцы в разных педагогических учебных заведениях изучали. На основе этих книг они должны были научиться тому, как надо усилить воспитательную работу в школах.

И.П. Иванов приступил к этой деятельности со всей принципиальностью молодого учёного, литературу читал, стремясь найти ответы на вопросы о «болевых точках», которые он выявил за время практи-

ческой работы. С первых дней работы в ЦК он действовал движимый идеями совершенствования подготовки педагогических кадров, видел огромную роль комсомола в том, чтобы студенческий период был максимально насыщен освоением культуры, выработанной человечеством. Здесь он последовательно стремился решать задачи, поставленные В.И. Лениным на Втором съезде РКСМ. «Учиться, учиться и учиться!» – вот главная задача каждого комсомольца вуза или училища. Он был убеждён в том, что педагогика должна сыграть решающую роль в формировании облика будущего педагога, и стремился использовать для этого все возможности, которые давала ему работа в отделе.

Сохранилось его письмо к жене от 19.10.52, где он пишет следующее: «Вторая московская неделя ознаменовалась первыми плодами: 1) в десяти пунктах учинил анализ и разнос официальной программы по курсу «Педагогика» для вузов (автор Шимбирёв, зав. кафедрой в Обл. пед. инс-е). Сей разнос, кажется, одобрен, и наши будут требовать от Каирова составления комиссии для пересмотра и переработки программы. 2) Дал «Некоторые замечания и предложения по издательской деятельности АПН РСФСР». Мы читали некоторые книжки, выпущенные в 1952 г., и я потом на основании этого, а также бесед с двумя вызванными маститыми директорами школ, составил соответствующую «кляузу». Между прочим, сам я прочёл интересную книжку «Сила детского коллектива» об опыте одной замечательной подмосковной школы в годы Великой Отечественной войны. Выудил бумажек 25-30 в подтверждение своей концепции. Я тут всё время: и на работе, и в столовой, и в автобусе, и в поезде, и сегодня на конференции Московского педагогического института им. Потемкина обдумываю проект диссертации. Кажется, совершаю переворот».

Здесь необходимо напомнить о стиле изучения литературы, которая сложилась ещё в студенческие годы. Он выписывал из самых разнообразных источников заинтересовавшие его мысли, суждения, факты на

небольшие карточки, а затем сортировал их по содержанию, по значимости, по важности для ближайших дел. При всём обилии этих выписок он никогда не забывал, где и что у него сложено, очень быстро находил нужную информацию, хотя многое из этого помнил с точностью до запятой.

Между тем работа в отделе стала терять свою новизну и привлекательность. Одна из главных должностных обязанностей заключалась в присутствии на заседаниях, совещаниях и учёных советах АПН. Его смущала многочасовая «говорильня» столпов педагогической науки, очень далёкая от реальных проблем. Оторванность теории от практики, которая так смущала его в философии ещё со студенческих лет, предстала перед ним в самых разнообразных формах. Сложность ситуации заключалась ещё и в том, что присутствие на таких совещаниях имело совершенно конкретную задачу, он должен был составить справку о значимости принятых решений для деятельности комсомольских организаций педагогических учебных заведений.

Посещая заседания учёных советов в разных институтах АПН, он невольно сравнивал с тем, как строилась работа аспирантуры в институте Б.Г. Ананьева. Он возмущался тем, что учёный совет института теории и истории педагогики не утвердил диссертационное исследование одного из аспирантов, который хотел создать рекомендации классному руководителю. Учёному совету было непонятно, где же здесь наука, а его собственный опыт работы классным руководителем кричал: «Здесь наука! Здесь! Наука в том, чтобы дать практикам выверенные пути достижения цели, наука в том, чтобы практика давала реальный результат воспитанности. Наука в том, чтобы найти способы действия, а не призывать к действию». Сидя на подобных совещаниях и учёных советах, он вспоминал высказывания А.С. Макаренко о «педагогическом олимпе» и с каждым разом убеждался в правоте его оценок официальной педагогической науки того времени. Словоблудие, далёкое от реальной жизни школы, побудило его делать всё более резкие заключения

и справки. Отношения с АНП явно не складывались, молодой человек пытался высказывать критические замечания, вносить предложения, что давно уже выстроено в строгом соответствии с табелем о рангах. Москва живёт в какой-то особой системе отношений и зависимостей, которые приезжие понимают далеко не сразу, только искушённые в карьерных играх люди вписываются быстро. У В.Н. Зайчикова это не получалось, не получалось и у И. Иванова.

Неожиданно, без каких-либо объяснений, вместо В.Н. Зайчикова первым секретарём становится Шелепин. В первые же дни работы Шелепин проявил себя дмагогом, плохо разбирающимся в специфике работы комсомольской организации, решения принимались исходя из карьерных соображений или тонули в бюрократической волоките. В отделе поменялся характер отношений, первые положительные оценки пришлось пересматривать в связи с новыми подходами к работе. В такой обстановке Иванов всё основательнее стал прорабатывать вопросы, связанные с педагогическими учреждениями. Подготовка педагогических кадров стояла на особом контроле ЦК КПСС, все служебные записки по его отделу тщательно просматривались и анализировались. Характер предложений, высказанных в этих документах, привлек внимание секретаря ЦК КПСС по пропаганде и школам Михайлова, который стал давать Иванову собственные поручения, что оградило его от столкновений с Шелепиным, желавшим отправлять И.П. Иванова в далёкие и длительные командировки. Михайлов предложил Игорю Петровичу сделать свой курс лекций по педагогике и опробовать его в ВКШ (высшая комсомольская школа). Иванов с большим увлечением включился в эту работу, с энтузиазмом преподавал в ВКШ. Разработка этого курса лекций, где необходимо было раскрыть воспитательные возможности комсомольской организации, позволила ему работать в библиотеке ЦК, в закрытых его фондах, где он впервые увидел архивные материалы, связанные с созданием пионерской организации, прочитал целый ряд работ

Н.К. Крупской о самоуправлении. Работая в библиотеке, он впервые получил возможность познакомиться с историей скаутов, увидеть роль скаутского метода, который закладывался в основу организационной структуры пионерской организации и, главное, в основу организации жизнедеятельности. В процессе разработки лекций для ВКШ соединились в единое целое установки совершенно разных людей:

- задача, поставленная В.И. Лениным, – «делать каждый день, пусть маленькое, но практически полезное дело»,
- задача А.С. Макаренко о воспитании в делах государственного значения,
- задача Б. Пауэла о воспитании делом, полезным для людей, о базовых принципах и отношениях между старшими и младшими в скаутском отряде.

Читая скаутскую литературу, он выделил огромное значение игры и романтики, формы и ритуалов, вечернего костра. По-новому для него стали раскрываться сведения по истории создания пионерской организации, узнал он и трагической судьбе скаут-мастеров в России. Безусловно, поделиться своими открытиями он не мог ни с кем по целому ряду причин, о которых мы можем теперь рассуждать с лёгкостью, но для того времени обсуждения этих вопросов могли стоять жизни. Этот урок он уже усвоил. Для человека его взглядов и убеждений полученные принципиально значимые новые знания должны были найти свой выход. Тщательно отбирая новые знания в содержание лекций, он стремился донести их слушателям ВКШ.

В конце 1952 года деятельность АНП подверглась резкой критике в нескольких статьях в газете «Правда». Естественно, что статьи эти не могли появиться без санкции соответствующего отдела ЦК КПСС, Михайлов надеялся на конструктивный разговор. Во всех институтах АНП прошли собрания, на которых, как писал Иванов, «публика учинила «говорильню» о положении в педагогической науке, о недостатках и задачах. В докладе директора Института теории и истории педагогика Есипова было мно-

го рассуждений и обоснований, но вдруг прозвучала персональная критика П.Н. Груздева, который продолжал числиться научным руководителем И.П. Иванова. Его обвиняли в том, что он изолировался от других учёных, стал создавать педнауку «из себя». Критика изоляционистской позиции П.Н. Груздева, которая поощрялась руководством института в Ленинграде, прозвучала и у ряда других выступающих. Самостоятельный путь научных исследований, творческий товарищеский характер отношений в его научной среде института, руководимого Б.Г. Ананьевым, раздражали некоторых академиков. Через критику научной позиции П.Н. Груздева пытались оказать давление на Б.Г. Ананьева, но поймёт это Иванов тогда, когда вернётся к научной деятельности и отголоски борьбы с Б.Г. Ананьевым неожиданно отразятся на его научной судьбе.

В ходе этих баталий Игорь Петрович впервые услышал Ф.Ф. Королева. Его выступление было острым, он поднял вопрос о монополизме нескольких тузов, которые сидят во всех учёных советах, комиссиях, коллегиях и прочее. Занимают такие «тузы» от науки по 8–10 постов, где уж тут заниматься научными исследованиями, работать над собой, развиваться. Выступление Ф.Ф. Королёва произвело сильное впечатление. Иванов пытался как можно больше узнать об этом учёном и по возможности вступить в совместную творческую работу. Однако состояться в полной мере сотрудничество не могло, т.к. И.П. Иванова стали всё чаще отправлять в длительные командировки. Значительно сократилось и преподавание в ВКШ, посещение разного рода конференций и совещаний. Игора Петровича всё больше отдаляли от участия в заседаниях учёных советов институтов АПН. Кто и каким образом показал руководству АПН степень участия И. Иванова в подборке материалов для статей в «Правде», мы уже никогда не узнаем, но Шелепину резко не нравился сотрудник, которого без его рекомендаций привлек к работе секретарь ЦК КПСС Михайлов.

Со временем накапливалось напряжение,

связанное с неопределённостью организации семейной жизни, т.к. обещанную ранее квартиру всё не давали и не давали. Напряжение было разлито и по коридорам Кремля, и по коридорам ЦК ВЛКСМ. Игорь Петрович много ездил по стране, настойчиво искал интересный опыт, пытался найти примеры проявления инициативы и самостоятельности в жизнедеятельности комсомольской и пионерской организаций. Впечатления были сложными, он готовился выступить со своими соображениями на заседании бюро ЦК. Многократно перерабатывал материалы, стараясь не изменять своим убеждениям. Даже шутил по поводу накопившихся впечатлений: «философу (даже такому, как я) нужно повидать всё – и не только абстрактным мышлением, но и живым созерцанием видеть жизнь во всём её многообразии». Он снова и снова возвращался к философским законам, повторял любимое изречение из Гёте: «Мертва теория, но вечно зелено древо жизни». Если практика выступает критерием истины, то анализ практики, который он осуществлял в последнее время, говорил о наличии целого комплекса проблем. Все они сосредотачивались вокруг организационного механизма в деятельности комсомольских и пионерских организаций. Ему очень хотелось развернуть сознание коллег к положениям, которые были заложены в деятельность пионерской организации в период её создания, вернуться и переосмыслить на новом историческом этапе те задачи, которые ставил В.И. Ленин перед союзом молодёжи. Многообразие общественно значимого опыта, который он видел в самых разных уголках страны, вызвало у него глубокое уважение. Он видел комсомольских работников разного уровня, видел и тех, кто делает дело, не унывает в достаточно сложных условиях и решает жизненно-практические задачи, видел и тех, кто жил фразой, начётничеством, угодливостью. Особенно важным он считал то, что вырисовывались типичные черты педагогов, у которых в деятельности школьного комсомола находили своё место инициатива и самостоятельность.

Отчёт по последней командировке в

феврале 1953 года складывался очень трудно. Той пионерской организации, «организации самих детей, а не за детей и не для детей», которую задумывали её организаторы во главе с Н.К. Крупской, он не нашёл нигде. Анализ и размышления о формах участия комсомольцев в работе пионерской организации требовалось изложить в стандартной справке. Однако количество вопросов никак не вкладывалось в стандартный отчёт. Работу над этой справкой прервало событие, определявшее судьбу страны на всю последующую историю – 5 марта было объявлено о смерти Сталина.

Группа сотрудников ЦК ВЛКСМ, в которую был включён и И.П. Иванов, стояла в почётном карауле у гроба Сталина. Иванов описывал своим близким впечатления о похоронах. Больше всего его поразили резкий контраст между реальным человеком и портретами, которые привыкли видеть во всех учреждениях. «Перед ним лежал небольшого роста старичок с усохшим лицом, редкими поседевшими волосами и чётко проступавшими следами оспинок».

В отделе обострились и без того непро-

стые отношения. В Кремле шла активная борьба за власть, Шелепин стремился в высшие эшелоны власти и демонстрировал свою лояльность новым лидерам тем, что пересматривал структуру и кадровый состав аппарата ЦК. Воспользовавшись ситуацией, Иванов подал заявление с просьбой разрешить завершить работу над диссертацией, для чего необходимо восстановиться в аспирантуре НИИ педагогики в Ленинграде. Эта была внешняя, допустимая в данных структурах причина, а на самом деле у него зрел протест, сдерживать который было всё труднее. Он восставал против очевидного расхождения между тем, что в документах декларировалась демократическая внутрисоюзная жизнь, а на деле процветал мажорный бюрократизм. Оставаться безропотным зрителем, хуже того, участником этих процессов Иванов категорически не хотел. Восьмого мая 1953 года решением бюро ЦК ВЛКСМ И.П. Иванов был освобождён от исполнения обязанностей заведующего сектором педагогических учреждений для завершения аспирантуры.